

5 ИЮН 1986

СУДЬБА, ХАРАКТЕР, РОЛЬ

НЕВИДИМЫЕ крылья сумерек спустились на землю. Наш автобус остановился во дворе школы шахтерского поселка. Сопровождающая нас молодая учительница первой вышла из машины. Став лицом к нам, она поочередно каждому протягивала руки, тихо приговаривая:

— Осторожнее, пожалуйста, не оступитесь.

Нас было семеро — врач, трактористка, писатель, дояр, инженер, артистка и геолог. Не успели мы еще хорошенько разглядеть здание школы, как оттуда с веселым гомоном выбежала стайка юнцов со своей старшей пионервожатой.

— Здравствуйте, — первая поздоровалась пионервожатая и, не дождавшись ответного приветствия, скороговоркой добавила: — Пойдемте скорее, вас давно ждут, собрались почти все старшеклассники.

Зал был полон учащихся и учителей. Пришли и некоторые родители. Вечер назывался: «Всякая профессия хороша». Его открыл писатель, с серебристыми висками, с быстрыми пронизательными глазами, твердым, звонким голосом... Он говорил о том, что у нас всякая профессия в почете, называл знатных людей разных специальностей. Подробно рассказал о своих творческих планах и прочитал в заключение стихотворение Владимира Маяковского «Кем быть?»

Один за другим выступали инженер, трактористка, врач, дояр. Каждый из них с такой любовью и интересом говорил о своей работе, что даже у меня, немолодого человека, невольно появлялось желание стать инженером или трактористом, а через 10 минут — даже доярком, профессию которого до того дня я считал чисто женским делом.

Очередь дошла до артистки.

— Милые мои друзья! Я очень волнуюсь, хотя это не должно быть свойственно людям моей профессии, — говорила она, действительно, взволнованно. — В отличие от других специалистов — писателя, художника, композитора, — работник сцены должен быть всегда вдохновенным, уметь находиться в том или другом состоянии творческого настроения, если можно так сказать. Од-

ним словом в любое время, в любой час он должен уметь смеяться, когда хочется плакать; плакать, когда хочется смеяться.

— А вы можете сейчас заплакать? — неожиданно раздался в зале неосторожный детский голос.

— Нет, дорогие мои. Это единственный вечер, когда творческий долг изменяет мне. От встречи с вами у меня так тепло и хорошо на душе, что я не в состоянии заставить себя плакать. Да и нет необходимости портить вам веселое настроение. Лучше я исполню отрывок одной из сыгранных мной веселых ролей, — сказала актриса, и на миг ушла вся в себя.

Вдруг ее лицо радостно засияло, она преобразилась, повеселела, — и вот перед нами сцена встречи Пицы-Кицы с Теофилом Ферекисом из спектакля «Требуется лжец». Беспечно веселый дух охватил всех. Засмеялись в передних рядах, затем в середине, потом дружный хохот раздался во всем зале и долго не смолкал. Но я-то, я-то знал, чего стоят актрисе эти веселые минуты в зале. Уметь заставить молчать даже свое сердце — не каждой удастся, даже очень хорошей актрисе. Три дня назад ее постигло большое горе, передаваемое словами. Но разве расскажешь об этом смеюся, восторженному залу? Глаза актрисы... Всегда они разные: то светлые и смеющиеся, как весеннее солнце, то суровые, подобно летней грозе, иногда ясные, как осенний безоблачный день, а иногда суженные, холодные, как зимний вечер. В продолжение только одного спектакля — «Лучше останься мертвым» — выражение их менялось несколько раз. Зрителям, наверное, известно, что Ирина Львовна Дубровина играла там в шести ролях: Эммы Фишер, Кетхен, Гертруды, Клары Цист, Паулины и Мод.

Шесть превращений в одном спектакле, шесть перевоплощений... Да разве только шесть? Чтобы из одного образа войти в мир другого, надо опять

стать самим собой, а потом снова обрести характер следующего ового героя. Ирина Львовна умела, мастерски это делала.

Каждый человек — живая книга. Есть люди — повести, люди — романы, одни жизни похожи на героическую поэму, другие — на цикл лирических стихов. Не знаю, каких жанров больше в книге жизни нашей героини. Одно известно — на страницах первых глав ее творческой биографии уже можно прочесть много интересного и волнующего.

Несколько лет назад Ирина Львовна работала в Ростовском театре и создала там немало запоминающихся образов. В Северной Осетии в республиканском театре русской драмы она всего три года. И за это короткое время исполнила больше двадцати ведущих ролей. Более значительные, менее значительные — какие б ни были роли, она всегда много работает над созданием того или иного образа, будь то образ Лизы Стратовой в «Женском монастыре» или Пицы-Кицы («Требуется лжец»), Ядвиги Домбровской в «Перебежчике» или Наташи в «Униженных и оскорбленных».

... Как-то Ирина Львовна получила письмо от незнакомой девушки Миры: «Я не пропускаю ни одного из ваших спектаклей. А некоторые посещаю по много раз, потому что ваша игра на сцене мне очень нравится, не только в главных ролях, но и во второстепенных. Я решила стать актрисой. Помогите, пожалуйста, мне попасть на сцену. Я первоначально согласна играть даже в ничтожных ролях».

Позже, когда Ирина Львовна познакомилась с этой девушкой, она по-дружески сказала ей: — Я помню в твоём письме выражение «в ничтожных ролях». Запомни, Мира, что нет не только ничтожных ролей, но даже второстепенных. Говоря образно, все персонажи в той или иной степени важны и необходимы для создания полноценного, цельного организма спектакля...

И это не только слова. Над образом Лушки в спектакле «Поднятая целина» Дубровина работала так же много и усердно, как и над созданием «больших» образов, хотя Лушка появляется на короткое время. Ведь чем больше слов и места отведено персонажу в спектакле, тем больше возможностей у артистки для раскрытия характера героини. И, наоборот, чем меньше драматургического материала, тем труднее за короткое время дать зрителю представление о твоей героине.

Как-то народный артист СССР Владимир Васильевич Тхапсаев рассказал такой случай. Во время гастролей осетинского театра в одном из городов артист получил за кулисами записку: «Товарищ Тхапсаев, не надо так сильно переживать. Это же не в жизни, а на сцене».

И когда я вижу на сцене актрису Дубровину, мне невольно вспоминается этот случай. Может быть, потому, что, идя за лучшими мастерами театрального искусства, она всегда живет на сцене жизнью своих героинь, полна их интересами, любит и ненавидит, радуется и переживает, плачет и смеется по-настоящему.

Когда я вижу Леонарду в «Валенсианской вдове» или Турандот в «Принцессе Турандот» в исполнении Ирины Львовны, я мысленно представляю себе актрису, склонившуюся над книгами, ибо для того, чтобы правильно передать и показать суть, интересы, душу, мир этих разнообразных, разновременных своих героинь, нужно иметь верное и полное представление об эпохе, о стране, где они жили, о народе, из которого вышли.

Вот Леонарда... Она жила более четырехсот лет тому назад в Испании, Турандот — совсем в другой стране, в других условиях. И, несмотря на то, что судьбы обеих завершаются одинаково — их характеры, образ жизни, поступки, внутренний

мир разные. Для создания образа Леонарды актрисе понадобились одни краски, для Турандот — другие. Сколько же страниц надо перелистать, как же внимательно нужно изучить творчество мастеров театра, которые в свое время были исполнительницами этой роли, чтобы продолжить их лучшие традиции, обогатить образ.

Сколько раз в нужный день, в нужный час надо выходить на сцену и всегда быть вдохновенной, готовой радоваться, когда тебе грустно, грустить, когда весело. Сколько десятков раз и в холод и в жару приходится выезжать на гастроли в села и другие города, чтобы нести искусство многочисленным зрителям. Я не рассказываю тут еще об общественной работе Ирины Львовны, которой она отдает много времени и энергии.

Я мысленно вижу актрису, затерявшуюся в гуще людей, часами наблюдающую за их движениями, ловящую каждое слово, каждый взгляд окружающих, чтобы крупинку за крупинкой вобрать в себя черты характера будущих образов. Без знания жизни, людей вообще невозможно жить, а на сцене — и подавно.

Наконец, я воочию вижу актрису на сцене перед зрителями, уже в самый ответственный момент всего творческого процесса, когда зрители, как живые барометры настроения, быстро реагируют на каждое движение, каждое слово. Это своеобразный творческий отчет о работе.

И я не раз был свидетелем взволнованных встреч зрителей с Ириной Львовной. Судьбы ее героинь всегда волнуют сердца присутствующих, заставляют думать, радоваться, грустить, стремиться. И это, пожалуй, самая лучшая оценка деятельности актрисы.

...У геологов на пути встречается много вершин и перевалов. Прелесть их, они всегда испытывают радость, представляя театральное искусство, когда завершают новую работу, разве не то же чувствуют? Ведь каждый новый образ — это новый перевал, новая вершина в жизни и творчестве.

Желаем Ирине Львовне взять много новых вершин на пути к большому сценическому мастерству. Она уже вписала в книгу своей творческой жизни немало хороших страниц. Пусть новые страницы будут еще ярче и интереснее.

Д. ГАЛАК.

Из материалов, поступивших на конкурс.